

Ульрих крепко прижал Цереру к груди, когда спиной врезался в бушующий поток.

Ледяное течение мгновенно поглотило их обоих. На краткий, неприятный миг, пока темная вода затягивала его на глубину, тело Ульриха охватило призрачное ощущение. Это было эхо воспоминаний о Синем Шраме. Агония того дня, когда плоть раздувалась, а кости ломались, словно сухие ветки, не забылась. Невидимая травма, фантомная боль вспыхнула вновь и попыталась парализовать его конечности под водой.

Он не позволил боли взять верх. Ульрих стиснул зубы, силой вытеснил травмирующее воспоминание из сознания и забил ногами, пробиваясь сквозь толщу воды к поверхности.

Прижатая к нему Церера тут же выплюнула речную воду и тяжело, с хрипом задышала. Ульрих осмотрелся и заметил в дюжине метров илистое побережье. Он не обратил внимания на тяжесть промокшей одежды и быстро поплыл к берегу. Когда сапоги коснулись твердой земли, он вышел из воды, подхватил Цереру за талию и опустил ее на траву.

Церера рухнула на колени в грязь и выплюнула остатки воды; мокрые волосы прилипли к лицу. Паника охватила ее мгновенно. Она резко вскинула голову и оглядела бурный поток.

— Дедушка! Дедушка! — закричала она.

— Замолчи и оставайся здесь, — отрезал Ульрих. В логове монстров она шумела слишком сильно.

Ошеломленная Церера замолчала и смотрела, как Ульрих повернулся к ней спиной и спокойно вошел в реку. Он зашел по колено, затем глубоко погрузил руку в воду. Пальцы крепко сжали ткань туники, и он вытянул ее дедушку из глубины.

— Кха! Кха!

— Дедушка! — с облегчением вскрикнула Церера, увидев, что старик жив и выплевывает воду.

Зрелище было странным. Ее дедушка был высоким и крепким мужчиной, но этот чуть более низкий аристократичный незнакомец с легкостью поднимал его одной рукой. Ульрих не дал старику перевести дух. Он просто развернулся и пошел к берегу, таща мужчину за одежду, словно дешевый мешок с цементом. Старик безвольно повис в воздухе, изогнувшись в форме перевернутой буквы V; всю дорогу он задышался и захлебывался.

Дойдя до берега, Ульрих бесцеремонно разжал руку. Старик издал натужный стон боли, когда лицом рухнул в грязь.

— Дедушка! — Церера подползла к нему на коленях; она горько плакала и схватила его за здоровую руку.

— Я... я в порядке, Церера... не плачь, — прохрипел старик и сумел сесть. Он провел рукой по лицу и попытался восстановить дыхание.

— Н... но... дедушка... — всхлипнула Церера, вытирая слезы, которые не прекращались.

Старик с нежностью посмотрел на нее, обнял за дрожащие плечи здоровой рукой и прижал к себе. Пока она рыдала у него на груди, он перевел взгляд на своего спасителя.

Ульрих стоял в нескольких шагах. Он снял промокшую шляпу, открыв копну темных волос глубокого, насыщенного цвета разлитого вина. Сейчас он выжимал ледяную воду из своего пальто. Чем дольше старик смотрел на него, тем более подозрительным становился его взгляд. Незнакомец, без сомнения, дважды спас им жизни, но всё в его поведении выдавало настороженность. Даже одежда, призванная выглядеть неприметно, была сшита из тканей слишком тонких и дорогих для обычного Охотника. Этот человек определенно принадлежал к высшей знати, и это не вызывало доверия.

Старик подавил подозрения и слегка склонил голову.

— Благодарю вас за спасение моей жизни, — произнес он, и в его сдержанном тоне проскользнула признательность. Он прекрасно понимал, что без вмешательства этого человека и он, и Церера остались бы разрываться на дне оврага.

Ульрих лишь бросил на него косой взгляд. Старик открыл рот, чтобы продолжить, но вопрос прервал влажный, раздражающий кашель. На траву брызнула темная кровь.

— Дедушка! — вскрикнула Церера и вцепилась в его здоровую руку, когда его колени подогнулись.

Лицо старика стало мертвенно-бледным. Ульрих спокойно смотрел на сгорбившуюся фигуру. Он оценил пепельный оттенок кожи, пот на лбу и болезненную синеву губ, диагноз был очевиден. Яд. Отравление в логове высокорангового зверя было обычным профессиональным риском. Однако в сочетании с сильной потерей крови и переломами ребер мужчина стремительно приближался к пределу своих сил.

— Если хотите жить, идите за мной, — просто сказал Ульрих. Он не стал ждать ответа, развернулся и пошел прочь.

Церера перевела взгляд с удаляющегося дворянина на дедушку.

— Дедушка...

В ответ старик устремил усталый взгляд на исчезающий силуэт Ульриха. Он стиснул зубы, борясь с жгучей болью в груди, и заставил себя подняться. Церера тут же подставила плечо под его здоровую руку, неуклюже стараясь поддержать тяжелое тело. В лесу рыскали монстры,

а по жилам текла отравы, поэтому им ничего не оставалось, кроме как следовать за Ульрихом.

Ульрих увел их прочь от открытого берега. Задерживаться на поляне после такого шума значило навлечь на себя засаду. Он повел их обратно под удушливый полог старой, более густой части леса и с легкостью преодолевал опасный рельеф.

Церера испуганно плелась сзади, ее янтарно-зеленые глаза метались при каждом хрусте ветки или шорохе листвы. Внезапно она вздрогнула и резко повернула голову влево.

— Зверь!

Из густого подлеска выпрыгнула теневая кошачья мутация. Существо с пугающей ловкостью бросилось прямо на раненых. Церера зажмурилась, но удара не последовало.

Вместо этого между деревьями разнесся резкий металлический звон. Ульрих с молниеносной скоростью обнажил клинок. В сумраке вспыхнула стальная дуга, перехватив монстра в воздухе. Существо было аккуратно разрублено пополам, и обе части с глухим влажным стуком упали на землю.

Церера открыла глаза, застыв в немом шоке. Ульрих даже не взглянул на тушу. Он небрежно стряхнул темную кровь с лезвия, убрал меч в ножны и продолжил путь, не сбавляя шага.

Изнурительный переход занял около десяти минут, пока густой подлесок наконец не сменился скромной рукотворной поляной. Круг старых бревен окружал обгоревшие остатки костра, временное убежище, вероятно, созданное поколениями проходивших здесь Охотников. Это было защищенное и практичное место для отдыха, поэтому Ульрих решил остановиться именно здесь.

Не говоря ни слова, Ульрих направил острие меча на остывшую золу. Вокруг стали возникла изящная светящаяся последовательность алых рун, и влажное дерево мгновенно вспыхнуло теплым, потрескивающим пламенем. Церера наблюдала за этим в безмолвном восторге. Несмотря на обстоятельства и растущую панику, она никогда не видела, чтобы магия была такой плавной и захватывающей.

— Положи его, — сказал Ульрих, и его голос мгновенно вывел ее из транса.

Церера быстро опустила дедушку на траву, прислонив его голову к бревну.

— Е... ему нужно лечение, — взмолилась она, с надеждой глядя на Ульриха. — Он отравлен...

Ульрих даже не посмотрел на нее. Он уже обходил поляну по периметру, чертя пальцами в воздухе невидимые узоры, чтобы создать локальную сеть защитных барьеров и охранных знаков. Лишенная выбора, Церера осталась стоять на коленях в грязи, крепко сжав кулаки, и смотрела на мучительное, прерывистое дыхание дедушки.

Когда периметр был защищен, Ульрих наконец повернулся к ним и поднял правую руку. Серебряное кольцо на его указательном пальце слабо пульсировало, пока он направлял малую часть своей маны. Мгновение спустя прямо в его ладони материализовался стеклянный флакон с мерцающей голубой жидкостью.

У Цереры перехватило дыхание, ее разноцветные глаза расширились от шока. Кольцо Хранения. Артефакт невероятной редкости, зачарованная роскошь, стоившая десятки тысяч золотых монет всего за несколько футов пространственной емкости. Если у нее и оставались сомнения в аристократическом происхождении незнакомца, этот артефакт развеял их окончательно.

Небрежным движением кисти Ульрих бросил ей флакон. Церера засуетилась, но успела поймать стекло до того, как оно упало в грязь.

— Дай ему выпить, — приказал Ульрих, спокойно усаживаясь на одном из сухих бревен напротив костра.

Церера замешкалась лишь на мгновение и кивнула. Она вытащила пробку и наклонилась над стариком.

— Дедушка, пей, — прошептала она, осторожно прижав край флакона к его бледным губам. Дедушка, уже полубессознательный и бредящий от яда, рефлекторно проглотил горькую жидкость.

Когда последняя голубая капля исчезла, Церера опустила флакон и повернулась к Ульриху; она открыла рот, чтобы излить на него поток слезливой благодарности.

Ульрих заговорил первым, спокойно глядя на нее.

— Что здесь делает эльф?

Тело Цереры одеревянело. Кровь отхлынула от лица, и она стала такой же бледной, как ее дедушка. В слепой панике она вскинула руки к голове, касаясь пальцами собственной кожи.

Удлиненные, заостренные кончики ее ушей были полностью открыты.

<http://erolate.org/book/2590/272414>